

К 150-летию Н. А. Бердяева (1874–2024)

DOI 10.25991/VRHGA.2024.4.4.008

УДК 1(091)

А. А. Ермичёв*

РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ СОРОКОВЫХ ГОДОВ ПРОШЛОГО ВЕКА И СОВЕТИЗАНСТВО Н.А. БЕРДЯЕВА**

На Западе с русской эмиграцией у Бердяева
создались отношения сложные.

Г. Адамович

Рассматривается общественная позиция Н. А. Бердяева 1940-х гг., когда его патриотизм принял форму открытой симпатии к советскому социализму. Это вызвало резкую критику у русского зарубежья, в большинстве своем настроенным антисоветски. Оценивая современность как кризисное завершение теллургического периода мировой истории, Бердяев считает возможным преодоление кризиса посредством социального переустройства (подобного тому, как оно есть в Советской России), руководствуясь ценностями нового пророческого христианства, понимание которого было предложено русской мыслью последней трети XIX — начале XX вв. Эти обстоятельства позволяют философу думать о миссионерской роли России в движении мира к новой эпохе.

Ключевые слова: русское зарубежье, вторая мировая война, Советский Союз, историософия, революция, социализм, новое религиозное сознание, советизанство, патриотизм, Н. Бердяев, Г. Федотов, Б. Зайцев.

* Ермичёв Александр Александрович — д-р филос. наук, проф., 7723516@gmail.com, Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского, СПб., наб. р. Фонтанки, д. 15, лит. А.

Ermichev Alexander Alexandrovich — Dr. Philos. of Sciences, Prof., 7723516@gmail.com, The Russian Christian Academy for the Humanities named after Fyodor Dostoevsky, 15, Fontanka Embankment, St. Petersburg, 191023, Russian Federation.

** Статья подготовлена в рамках гранта Российского Научного фонда № 24–28–00748, <https://rscf.ru/project/24–28–00748> / Русская христианская гуманитарная академия им. Ф. М. Достоевского.

A. A. Ermichev
RUSSIAN ABROAD OF THE FORTIES OF THE LAST CENTURY
AND THE SOVIETISM OF N. A. BERDYAEV

The article considers the public position of N. A. Berdyaev, in the forties of the XX century, when his patriotism took the form of open sympathy for Soviet socialism. This caused sharp criticism from the Russian diaspora, most of whom are anti-Soviet. Assessing modernity as a crisis ending of the telluric period of world history, Berdyaev considers it possible to overcome the crisis through social reconstruction (similar to how it is in Soviet Russia), guided by the values of the new prophetic Christianity, the understanding of which was proposed by Russian thought in the last third of the XIX — early XX centuries. These circumstances allow the philosopher to think about the mission role of Russia in the movement of the world towards a new era.

Keywords: Russian diaspora, World War II, Soviet Union, historiosophy, revolution, socialism, new religious consciousness, Sovietism. patriotism, N. Berdyaev, G. Fedotov, B. Zaitsev.

Н. А. Бердяев полагал, что судьба истории была в то же время его судьбой, и свою биографию он замерял не событиями личной жизни, а историческими эпохами*. Из противоборства с историей он выходил если не победителем, то определенно непобежденным. Конфликт с самодержавием закончился вологодской ссылкой, а она увенчалась книгой «Субъективизм и индивидуализм в общественной философии», наделавший немало шума в русской мысли. Начавшаяся в Вологде распря с социалдемократами привела его к либеральным «Проблемам идеализма». Его самоопределение в «русском ренессансе» завершилось «Философией свободы» и «Смыслом творчества». Позже он выступил против Октябрьской революции, что закончилось книгой «Философия неравенства» и высылкой из страны. «...В сущности, в более глубоком смысле, я был асоциален...» [6, с. 9] — это почти девиз жизни философа.

На послевоенные годы выпадает его последнее противостояние обществу — теперь всему русскому зарубежью. Овеянный мировой славой, он становится изгоем в своем кругу. Причиной тому стала его «патриотически-советская ориентация». Автор предлагаемой статьи решается назвать общественное поведение Н. А. Бердяева, обусловленное такой ориентацией, «советизанством» — по аналогии с выражением самого философа: «...невежественные и маниакальные круги эмиграции считали меня если не коммунистом, то коммунизантом» [6, с. 244]. Что от такой ориентации было, рассказал Б. К. Зайцев:

«Мы с женой шли по улице Кламара — навстречу похудевший, несколько сгорбленный и совсем не картинно-бурный Бердяев. Увидев нас, как-то прояснел, нечто давнее, от хороших времен Сивцева Вражка, Прерова, появилась в улыбке. Подошел, будто как прежде.

Нет, прежнего не воротить! Жена холодно, отдаленно подала ему руку — да, это не Москва, не взморье немецкое с пляшущими немцами.

* «Все исторические эпохи, начиная с самых первоначальных эпох и кончая самой вершиной истории, эпохой нынешней, — все есть моя историческая судьба» [7, с. с. 15]. Не потому ли он так излагает свою биографию: «Я пережил три войны, из которых две могут быть названы мировыми, две революции в России, малую и большую...» и т. д. [6, с. 9].

Он понял. Сразу потух. Разговора не вышло никакого. Поздоровались на улице малознакомые люди, побрели каждый в свою сторону. Может быть, тик сильней дергал его губы. Может быть, и еще больше он сторбился. Может быть, мы могли быть мягче с ним. (Но так кажется издалека! Тогда слишком все было остро. Он слишком был с “победителями”. Тогда трудно было быть равнодушным)» [14, с. 90].

Б. К. Зайцев — умелый писатель, а читатель отметит у него слова «слишком» и взятых в кавычки «победители». Писатель пояснял: «Вдруг седеющий благородный лев вообразил, что вот теперь-то, после победоносной войны прежние волки обратятся в овечек». «Волки» — это, конечно, все большевистское, советское. «Слишком с победителями» Н. А. Бердяева Б. К. Зайцев рисует так:

«... в Союзе советских патриотов он под портретом Сталина читал, в советской парижской газете печатался, эмигрантам брать советские паспорта советовал*, вел разные переговоры с Богомоловым, — кажется, считался у “них” почти своим <...> В доме у него в Кламаре чуть не все просоветское тогдашнего Парижа» [14, с. 90].

Не сказано только, что во время войны дом Бердяева в Кламаре был одним из центров патриотических настроений и что в августе 1944 г. над своим домом философ вывесил красный флаг. Помимо того, современным авторам известно, что после публикации «Русской идеи» Н. А. Бердяев был приглашен в советское посольство на празднование годовщины Октябрьской революции и кто-то из посольских приглашал Бердяева вести у них философский кружок.

Впрочем, философ не только не утаивал своих патриотически-советских настроений, а публично отстаивал их в русскоязычной просоветской прессе, выходившей во Франции, — «Русский патриот», «Советский патриот», «Русские новости» — и не раз признавался о том в частной переписке: «У меня самого патриотически-советская ориентация, но это совсем не значит, что я все одобряю и отказываюсь от критики» [5, с. 212]. В 1946 г. появилась его «Русская идея» и в следующем, 1947 г., сборник «На пороге новой эпохи», в котором советизанство Н. А. Бердяева получает религиозно-историософское оправдание.

Эмиграция всегда знала о непонятном ей отношении Бердяева к «русскому коммунизму». Ее чуждость философу стала перерастать в конфликт с ним еще в довоенные годы, когда он твердо занял «оборонческую» позицию. С началом Великой Отечественной войны обнаружилось, что очень малое число эмигрантов безоговорочно поддержали СССР, а больше было тех, кто пошел

* Ф. А. Степун в письме к Д. И. Чижевскому 7 августа 1946 г. поделился своими впечатлениями от газеты: «Недавно мы получили несколько номеров парижского Советского патриота и пришли в очень грустное настроение. После таких газет и напечатанного там интервью с Бердяевым я вполне понял Ваше нежелание писать в столицу русской эмиграции» [18, с. 93; 15].

** Многие упрекали философа за это. Даже пошел слух о том, чего не было, — о якобы полученном в посольстве советском паспорте — Н. А. Бердяев пояснял: «Я очень сочувствовал тому, чтобы в Россию возвратились те, которые могут там работать, — инженеры, врачи, техники и т. д. Но я философ, и притом самого неподходящего философского направления. Существовать я могу при условии совершенной свободы мысли. Приспособляться и подчиняться я не могу. Я никогда этого не делал, живя пять лет в советской России, за что и был сослан» [2, с. 203].

с немцами освобождать Россию от большевиков. Прочие были сторонниками англо-саксонской демократии и противниками любого тоталитаризма — что в Германии, что в СССР. Какое-то их число от тягот войны перебрались в США, где с 1942 г. они стали издавать «Новый журнал» — в какой-то мере преемника «Современных записок» (1920–1940). Редакция, вполне присоединившись к англо-американским союзникам, четко обозначила позицию в отношении советского руководства:

«...Как увидит читатель, мы отнюдь не считаем себя обязанными замалчивать преступления и ошибки советской власти в прошлом и настоящем... Мы никак не призываем к насильственному свержению советской власти, зная, что такое во время войны перемена государственного строя... Но мы считаем своим печальным долгом говорить о том, о чем не могут сказать слова русские граждане, оставшиеся в России, во Франции, в Болгарии, в Югославии, и о чем по своим соображениям стараются молчать почти все (однако не вся) иностранная печать» [20, с. 5–6].

Сейчас невозможно подсчитать, каких недопоставок по ленд-лизу стоила их принципиальность. Среди них были и такие, кто, ни на секунду не подумав о русских людях и просто презрев какие-либо приличия, задавалась одним вопросом: «Разбить ли тоталитарное государство № 2 в союзе с тоталитарным государством № 1 или наоборот: важнее разбить тоталитарное государство № 1, а № 2 — с ним всегда можно будет сладить». У них СССР был тоталитарным государством № 1, а № 2 шла гитлеровская Германия*.

Подобного рода политические ужимки и предательства были глубоко чужды Н. А. Бердяеву. Ненависть его к национал-социализму, — наблюдал Ф. А. Степун, — была так сильна, что после прихода Гитлера к власти философ перешел от теоретического оправдания большевизма как духовной болезни России к его практическому оправданию. Главным вопросом для эмигранта, считал Бердяев, должно быть не отношение к советскому государству, а отношение к русскому народу. Его реакция на 22 июня 1941 г. была предсказуемой:

«Вторжение немцев в русскую землю потрясло глубины моего существа. Моя Россия подверглась смертельной опасности, она могла быть расчленена и поработана... Естественно присущий мне патриотизм достиг предельного напряжения. Я чувствовал себя слитым с успехами Красной армии» [6, с. 335].

Победа 9 мая и связанные с нею надежды на изменения в стране превратили симпатии к героическим народам СССР в ясно видимое советизанство. В одной из своих статей философ прямо заявлял: «...Советская Россия моя родина, и я хотел бы ее защищать» [8, с. 231].

Эмигранты настроенно относились к бердяевским разговорам о «правде» коммунизма, и тем более сейчас, когда философ, вдохновленный военной

* Автору подобных гаданий Б. П. Вышеславцеву принадлежало соответствующее решение: «Во время войны до нас дошли слова Керенского “Теперь не время сводить счеты со Сталиным”. Но существовала другая точка зрения: “Наступил единственный момент, когда можно свести счеты со Сталиным”. Любопытно при этом, что сам Сталин это последнее и думал». Философ принял решение и пошел служить власовцам [20, с. 410].

победой Советского Союза, не скрывал своей высокой оценки социальных достижений большевистской революции. «Первый раз во всемирной истории в основу социального строя огромной страны положили принцип, не допускающий эксплуатации человека человеком» [3, с. 218]. Он констатирует, что в СССР «классов, в той форме, в какой они существуют в капиталистическом обществе, более нет...» [3, с. 264]. Разрешаемая личная собственность «не допускает образования капитализма и исключает возможность эксплуатации человека человеком» [6, с. 264]. Одну из статей он заключает пассажем: «Можно быть уверенным, что русский народ не вернется к капиталистическому строю, хотя бы смягченному, к формам частной собственности, господствующими на Западе» [3, с. 265]. При этом философ полагает, что у советских русских есть свое понимание свободы (ему оно не нравилось)*, но он, Н. А. Бердяев, и не думает, чтобы Россия шла к демократии западного типа. Она создает свой тип «советской социальной демократии» [3, с. 295]. Говоря в 1935 г. о социально-морфологическом сходства коммунизма и фашизма, Н. А. Бердяев в 1946 г. подчеркивает их разные социальные идеалы:

«И тут не может быть сравнения... В то время как коммунизм признает общечеловеческую мораль, нацизм отрицает ее и для будущего. Замирение и единство человечества ... никогда не будут достигнуты и не должны быть достигнуты» [3, с. 203].

Возможно, читая рецензию Н. А. Бердяева на книгу швейцарского писателя Ф. Либа об СССР, эмигранты немало дивились тому хорошему, что автор и рецензент нашли в стране, которая все-таки, — по словам Бердяева, — «продолжает жить под властью жесткой диктатуры» [9, с. 717]. Тем не менее, оба они говорят о правде марксистского коммунизма, о его связи с Достоевским, Соловьевым и Толстым, о том, что советский патриотизм есть выражение русского универсализма, и, наконец, приводят слова Сталина о том, что в СССР главным делом является человек, а не техника.

Особенную злободневность бердяевскому советизанству придавало послевоенное воздействие СССР на европейские дела. «Тоталитарный режим № 1» предпринимал пугающие эмиграцию усилия для того, чтобы закрепиться в освобожденной Европе. Русские эмигранты попадали в несчастное положение выбора между исторической Россией и СССР и не все достойно вели себя**. О наступательности советского тоталитаризма Г. П. Федотов писал еще в 1943 г. в статье «Загадки России», а одну из статей 1945 г. вообще назвал «С Востока тьма». В 1946 г. его отчаяние достигает высокой степени: «Сейчас во Франции быть с Сталиным то же, что с Гитлером при немецкой оккупации». Редактор «Нового журнала» и сторонник англо-саксонской демократии М. М. Карпович

* «Свобода в Советской России понимается не как независимость личности от общества, не как свобода спора об истине, а исключительно как активность в коллективном строительстве после того, как выбор сделан и спор решен» [3, с. 267].

** Н. Берберова писала Г. П. Федотову 28 февраля 1948 г. «С ужасом, который не скрываю, слежу за событиями в Чехии... На очереди будем мы и Италия. Только через поражение может прийти спасение. Только поражение не будет стыдно. Всякая победа, как победа 1945 г., — позорна... Я жду войны, я жажду войны [20, с. 406].

говорил, что распространение советского социализма «за пределы России принесет вред социальному переустройству мира» [13, с. 371], а вместе они предупреджали, что народы мира, попавшие под власть Сталина, как-нибудь отплатят за это России.

Философ стал хорошей мишенью для антисоветских критиков Н. А. Бердяева. Даже в «Философском некрологе» в энтеезовском «Посеве» С. А. Левицкий не удержался от упреков покойному:

«Мало кто принес столько вреда делу борьбы против большевизма, как именно Бердяев... <...> Протестовать против насилия над духовной свободой в СССР, признавая его “социально-экономическую правду”, достаточно наивно для мыслителя, как никто в свое время понимавшего, что теория большевизма неотделима от его практики, что здесь мы имеем дело с “сатанократией” (собственное выражение Бердяева). Остается лишь предположить, что тут произошло временное затмение политического спектра высокого ума» [13, с. 13].

«Временное затмение политического спектра» — то было, пожалуй, самое мягкое из характеристик, данных эмигрантами Бердяеву. Было множество иных, совершенно бесцеремонных: И. А. Ильин назвал творчество Н. А. Бердяева «авгиевыми конюшнями», А. В. Тыркова-Вильямс заметила у него «отсутствие интеллектуального стыда». Почти все критики без устали твердили о якобы присущем Бердяеву скорой переменчивости его взглядов. «Сколько было Бердяевых?» — спрашивал один из них, а другой обличающе называл ступени его идейной эволюции — от «марксизма» до защитника «сатанократии». Узнавая об очередном «советофильском» выступлении Бердяева, критики злорадствовали: он не знает того, что известно всем: русская революция, призванная установить «светлое царство социализма», своих целей не достигла. Против бердяевской апологии советского бесклассового общества кто-то из дипийцев, подписавшихся псевдонимом «Советский интеллигент», провозгласил другое:

«А мы утверждаем, нет и никогда в истории государства не было такого обострения социальных классов, такого различия в экономическом, правовом и бытовом укладе их жизни. Существует правящая бюрократия (аппаратчики), существует всецело ей подчиненный рабочий класс (трудящиеся массы), существует всецело класс энкаведистов и сексотов — страшный, мощный, таинственный, вездесущий, проникающий всю жизнь, ненавидимый всеми классами, перед которым трепещут даже партийные комиссары и генералы» [17, с. 11].

Еще критики замечали, что если из ненависти к буржуазности Бердяев согласился на полноту хозяйственной власти у советского государства, то теперь он не может не видеть высокого уровня эксплуатации рабочих в СССР, причем при отсутствии у них права на свободные профсоюзы и забастовки. Г. П. Федотов подчеркивал, что именно государственная собственность на средства производства является основой для советской тирании. Он сожалел, что Н. А. Бердяев не заметил «небывалого подъема» материальных условий жизни и культуры трудящихся масс и их политического влияния в Европе в XIX и XX вв., в то время как материальное положение советского рабочего класса оставалось таким же, каким оно было у европейских рабочих време-

ни «Манифеста Коммунистической партии». Социализм в СССР не есть его осуществление, напротив, это извращение социализма, — в этом был уверен не только один М. Карпович [11, с. 373].

Но философ совсем не был наивным советофилом: его «патриотически-советская ориентация» совсем не означала, что он «все одобряет и отказывается от критики». Он признавал право народа на революцию, полагая, что в ней выгорает то, что было «гнило» при старом строе. Он считал, что революция в России неизбежна, и даже «сознал совершенную неизбежность прохождения России через опыт большевизма» [6, с. 228]. Русскую революцию он назвал «скачком через бездну» и видел, что при этом не обошлось без «переломов и увечий» [3, с. 316], о которых он знал и потому сострадал всем «подсоветским». У него лично, — писал он, — «нет никакой симпатии» к Советской власти. «Она делает много дурного», «но она является единственной исторической властью, принужденной защищать Россию перед лицом мира» [1, с. 263]. Такая позиция позволяла ему выдерживать здоровую дистанцию в положительном отношении к советской жизни. Если он и видит, что в СССР нет классов, то сразу же оговаривается, что имеет в виду классы в той форме, в какой они существуют в капиталистическом обществе, и что при этом он не исключает возникновение новых форм неравенства. Он говорит, что Маркс ужаснулся бы, оказавшись сегодня среди русских коммунистов, и говорит о «власти жесткой диктатуры» в СССР. Он не боится поставить имя Сталина рядом с именем Гитлера и уравнивать диктатуры национал-социализма и коммунизма. Его не устраивает советское понимание свободы как обязанность человека выполнять принятое коллективом решение. Он знает о диктате советского государства над всеми сферами общественной жизни и о его усилиях по фабрикации человеческих душ. Он, считая, что революция пробудила трудящихся к исторической работе, пока видно, что способности к творчеству у них не велики. Он полагал, советский патриотизм был подготовлен православием, и, вообще, современная Россия «не покрывается коммунизмом. Жизнь русского народа... гораздо сложнее и индивидуализированнее марксистской доктрины» [8, с. 273]. Его критичность в отношении СССР была особенно велика в тридцатые годы, а в 1939 г. он участвует в коллективном протесте против «советского вторжения» в Финляндию. Но открытого выступления против советской экономической и политической системы у философа не было. Даже известная статья против ждановского погрома Ахматовой и Зощенко была скорее уговорами к советской власти вести себя порядочнее и осмотрительнее.

У советизанства Бердяева была своя «красная линия». Если философ допускал ограничение свободы в экономической жизни (и даже ее отсутствие), если в известные времена жизни общества он допускал необходимость диктатуры, то «красной линией» в его дружеском отношении к СССР было творившееся в стране подавление духовной свободы. Он готов принять тоталитаризм в России как «замену религии» [3, с. 312], но духовную диктатуру, диктатуру над мыслью и верой зовет тоталитарным произволом [3, с. 266]. Между прочим, свой отказ возвратиться в Советский Союз философ мотивировал тем, что на Родине ему не позволят писать то, о чем он сам захотел бы писать.

Цельность бердяевского мировоззрения принуждает искать основания его советизанства не только в биографии философа, но и в его историософии. Еще задолго до сороковых годов, едва ли не со времени «Нового религиозного сознания и общечеловечности» (1907) и уж более определенно со времени «Нового средневековья» (1924), его не оставляла мысль о конце современности и переходе человечества в новую завершающую эпоху своего существования. Вторая Мировая война и враждебные, готовые взорваться новой войной отношения между вчерашними союзниками обострили бердяевское эсхатологическое отношение к истории.

«Подлинная и глубокая религиозность», — вспоминал М. Коряков, была основанием концепции истории у Н. А. Бердяева.

«Не был он слеп и глух к страданиям человека в Советской России». «В немногих словах, — продолжает М. Коряков, — его концепцию можно изложить так: Мир проходит сейчас через крест, и Россия — первая поднимается на Голгофу. Ночь окутывает народы на Крестном пути. Но впереди свет, и Россия придет туда первая. Начинается русский период Истории. На крестном пути надо быть с Россией... Надо пережить судьбу русского народа» [12, с. 279].

Бердяевская историософия России, изложенная М. Коряковым, у самого автора нашла исчерпывающее выражение в «Русской идее» и в последнем сборнике мыслителя «На пороге новой эпохи».

«Моя мысль проникнута убеждением, — так Бердяев начинает свой сборник, — что заканчивается целая историческая эпоха, что мировая цивилизация готова погибнуть, мы находимся накануне возникновения нового мира, очертания которого остаются еще неопределенными» [3, с. 156].

«Века света затемняются», — видит философ и ставит диагноз:

«Буржуазная цивилизация угасает... Обнаруживает свою беспомощность вера и разум... Доверие к принципам демократии подорвано... Свободе угрожает тоталитаризм... Гуманизм переходит в антигуманизм. прогресс науки замечателен, но как смертоносны открытия, к которым он пришел... Господство техники в современной жизни свидетельствует о конце ее теллургического бытия... Мир движется к варварству... Наступает ночная эпоха человечества, над миром гущается мрак, и европейская культура должна пройти через ночь». Коммунизм оказался «посредине мучительной агонии умирающего мира и посреди не менее жестокой боли мира нарождающегося» [3, с. 158].

Коммунизм сам является эпизодом надвигающейся ночи и потому не в силах «возвыситься над этой ужасающей нравственной и духовной атмосферой» [3, с. 159] умирающей эпохи. Он сожалеет, что современники легко согласились на разделение мира на две части — капитализма и социализма, — и полагает, что «...никогда еще мир не находился в таком состоянии вражды и страха» [3, с. 310]. Современность — это продукт фатума истории действия ее иррациональных сил, проявляющих себя в войнах, революциях, тяготах тоталитаризма, непомерных притязаниях политики, разделением на военно-политические блоки. Между тем, деление «западного и восточного

блока не может быть делением на царство света и царство тьмы, царство Добра и царства Зла» [8, с. 277].

У Бердяева-философа — спиритуалиста и персоналиста — есть свое понимание истории. Разумеется, он видит «иррациональные принципы» истории, «фатум», тяготеющий над нею, но прозревает в них не что иное, как «выражение слабости творческих духовных сил человеческого общества» [8, с. 272], подмену истинных отношений человека к человеку и к обществу ошибочным, ложью или мифом. Например, из реального опыта страдания и унижения рабочего класса Маркс создал талантливый, даже гениальный миф о мессианском призвании пролетариата» [8, с. 274], а вот теперь Советская Россия, с одной стороны, и Запад — Европа и Америка — боятся друг друга и враждуют.

На самом деле мир не таков. Он «безмерно сложнее» такого разделения... «...В нем все индивидуализировано» [8, с. 272]. Философ поясняет:

«Деление западного и восточного мира, западного и восточного блока не может быть делением на царство света и царство тьмы, царство Добра и царство Зла. Лучше было бы обратить внимание на то, что в каждом из нас есть свет и тьма, добро и зло» [8, с. 277].

«Каждый из нас» — в контексте мировоззрения и философии Н. А. Бердяева — это личность, персона, экзистенциальный субъект, это исходный пункт его размышлений о себе, другом, обществе, истории, Боге. Сейчас, в сборнике «На пороге новой эпохи», его экзистенциально-персоналистическая философия предстает в форме категорического императива заблудившемуся человечеству. Философ знает, что «когда наступает ночная эпоха, то вопрос религиозный делается основным» [3, с. 215]. Противостоять «ужасающей нравственной и духовной атмосфере» современности «можно только с помощью веры, которая сверхрациональна» [3, с. 160], — «вопрос религиозный делается основным» [3, с. 215].

С этого заявления Бердяев начинает метафизическое и историческое оправдание своего советизанства. Победы над мировым кризисом он ждет не от «консервативного христианства» (есть у него такое выражение), разделенного на конфессии, зараженного «раздором мира», приспособившемуся к миру, а от «нового христианства».

Философ, вспомнив Религиозно-философские собрания в Петербурге, и дом Мурузи, и супругов Мережковских, и среды у Вяч. Иванова, снова проповедует «новое христианство», христианство пророческое с его главной идеей соединения и взаимодействия двух природ — Бога и человека, соединенных лично в Иисусе Христе, в человеке и человечестве в новом периоде истории [3, с. 317]. Пророческое и эсхатологическое христианство «божественной человечности» обращено к свету, «идущему от будущего» [3, с. 211–212]. Изменяя природу каждого из нас, оно знаменует «радикальное духовное и социальное изменение человеческого общества», пока наконец не увенчается «религиозным коммунитарным социализмом». Однако будущее творимое в человеке для общества совсем не скорое и нелегкое дело. Во исполнение требования социальной справедливости «надо признать, что миру предстоит социальное переустройство» [3, с. 224–225] — «социальная революция в Европе неизбежна» [3, с. 233].

Профетическое христианство позволяет философу рассматривать мировую историю как дрящущую эсхатологию, выгорание старого мира и воздвижение нового мира объективации, пока не произойдет окончательной аннигиляции необходимости истории (то есть исторического времени) и наступления Царства Духа, когда все люди (а «духовная жизнь охватывает не только «Я», но и «МЫ» [3, с. 234] будут подняты в своем достоинстве и каждый станет личностью «то есть свободным, определяющимся изнутри творческим существом, <...> существом коммюнитарным, но в своей коммюнитарности независимым от внешнего социального детерминизма. Это и есть ... духовное преображение» [3, с. 232, 233] исход из исторических, органических циклов`.

На историософском полотне Бердяева нашлось место и для его советизанства. Философ, в отличие от большинства в русском зарубежье, всегда был уверен, что Советская Россия, СССР (эту аббревиатуру он почти не использует), — это другой лик вечной России`. Россия до революции и Россия после революции — это та же Россия, но только представшая на шкале исторического времени. Тождество дореволюционной и постреволюционной России он усматривал в самых различных исторических и иных аспектах, всегда понимая, что история России — это объективация духовной жизни русского народа и его самых разных представителей, от царей до революционеров. Русское сознание, дух русского народа, народ — вот творец русской истории, которую философ видит как существование и реализацию замысла Творца и России — реализацию русской идеи. «Интуитивное проникновение в духовный тип русского народа, — размышляет Н. А. Бердяев, — приводит к заключению, что призвание русского народа религиозное и социальное по преимуществу» [3, с. 315]. Наиболее устойчиво и точно русскую народность выражает соединение любви и свободы, коммюнитарности и персонализма [3, с. 244]. Немудрено, что если дореволюционная Россия тождественна с Советской Россией, то и русская мессианская идея находит свое продолжение в идее об исторической миссии пролетариата.

Н. А. Бердяеву симпатичен марксистский прогноз будущего. В уже состоявшейся истории люди никогда не выступали в полноте своих творческих возможностей, будучи функцией классов и профессий. Собственно история, то есть творимая людьми и для людей, а не для классов и государств, начнется только с уничтожением классов, со всемирной победы пролетариата. Все бывшее до этого — всего лишь предыстория человечества. Русский народ первым перешагнул через «бездну», отделявшую мир от настоящей истории. Мессианство русского народа превратилось в мессианство русского пролетариата. С России начинается рождение единого человечества с единой моралью. Н. А. Бердяев предпочитает назвать эту мораль (она же — образ жизни) коммюнитаризмом и поясняет, что идея его заключается в идее соборности,

* «В каждое мгновение жизни нужно кончать старый мир, начинать новый мир. В этом дыхание Духа», — такими словами Н. А. Бердяев завершает книгу «Опыт эсхатологической метафизики» [4].

** Между тем 28 октября 1947 г. в Париже состоялся Международный митинг жертв советского насилия. Русскую фракцию возглавлял член НТС Аркадий Столыпин, выступивший с докладом «СССР — это не Россия».

как жизни личности в Духе Святом. Коммюнитарность же «имеет одно свое выражение в религиозной жизни народа, а другое — в социальной жизни [3, с. 238].

Теперь, когда Бердяев уверен в том, что Россия разрешила социальную проблему и что из России идет свет «нового христианства», он может думать, что исторический период «будет в значительной мере стоять под знаком России» [3, с. 217] — «русскому народу в его исторической судьбе выпало на долю осуществить более справедливый и более человеческий социальный строй, чем тот, который существует на Западе» [3, с. 255].

* * *

Особенное, сколько возможно положительное понимание Н. А. Бердяевым русской революции и ее последствий для России (отсюда берет начало его советизанство) не было ни для кого секретом. Белой эмиграции философ продемонстрировал свою позицию сразу же по прибытии на «Обербургомистре Гаккене» и по устройству жизни на новом месте. В ноябре или декабре 1922 г. состоялась сходка эмигрантов, на которой определились две позиции в отношении революционной России — «активистов», сторонников различных форм политической борьбы с Советами и «духовников». В «Самопознании» философ заметил:

«Встреча у меня на квартире с белой эмиграцией кончилась разгромом. Я очень рассердился и даже с криком, что было не очень любезно со стороны хозяйина квартиры. Я относился совершенно отрицательно к свержению большевизма путем интервенции... Я уповал лишь на внутреннее преодоление большевизма. Русский народ сам освободит себя» [6, с. 247]

Не только Бердяев, но и многие другие, покидавшие страну в 1922 г., понимали, что большевистская революция — это «всерьез и надолго». Большевизм — это такой же объективный факт русской жизни, как таким же фактом может быть болезнь у человека. Больному нужно помочь и быть тем заботливее, если ты этого человека любишь. Причина советизанства Бердяева очевидна. Философ любит Россию, русскую жизнь — в Киеве, Вологде, Петербурге, Москве; он любит переполненные народом залы Вольной Академии Духовной культуры, любит заседания Московского Религиозно-философского общества у М. К. Морозовой, редакцию «Вопросов жизни» на Саперном переулке в Петербурге, московский трактир «Яму» с народными богоискателями и, будучи в изгнании, всегда помнил об этом. «Во мне всегда оставалось что-то неистребимо мое индивидуально-личное и мое русское. И это несмотря на мое отвращение ко всем формам национализма, на мой коренной универсализм» [6, с. 255], — объяснял он. Органическое сродство с Россией перерастало у философа в желание защищать ее от враждебного мира. Вся разгадка — в патриотизме Бердяева, который всегда делал его советизаном, сочувствующим России и ее народу. Два обстоятельства укрепили патриотизм философа: победа Советской России в смертельной борьбе с гитлеровским фашизмом и боязнь войны объединенного Запада против разоренного войной советского народа. Ему, своему народу, философ хотел помочь — как было возможно, как мог.

Он призывал эмигрантов понять положение советских людей, «относиться с терпением к процессам, происходящим в Советской России, и согласиться на жертвы, чтобы разделить судьбу русского народа» [3, с. 265]. Он надеялся, что «после укрепления советского социального строя каждому не может уже грозить никакой серьезной опасности, в России будет провозглашена свобода духа, совести, мысли, слова» [3, с. 266].

Та часть русского зарубежья, которая еще недавно играла «в поддавки» с гитлеровцами, писала о Бердяеве со злобой^{*}. Другая часть, ставшая космополитичной, заклеимила патриотизм Бердяева как национализм. Один из них, Г. П. Федотов, двинулся далее. Исходя из космополитической посылки, что «современный мир может жить только в сверхнациональных формах политических объединений» [19, с. 91], он приравнивает свой космополитизм к русской «всечеловечности», а потом назвал патриотизм Бердяева изменой этой давней русской идее. Г. П. Федотову вторил духовный ученик И. А. Ильина Н. П. Полторацкий, который в одной из статей (1961) говорил, что Бердяев отказался «от столь ценного в нем прежде духовного и исторического универсализма и стал глашатаем русского, более того, советского провинциализма» [16, с. 246].

Советизанство Н. А. Бердяева оправдала наша недавняя история — «русский коммунизм» завершился скорее по прогнозам Н. А. Бердяева, нежели П. Б. Струве и И. А. Ильина.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н. А. «В четвертом измерении пространства...»: Письма Н. А. Бердяева к кн. И. П. Романовой 1931–1947. Публ. В. Аллоя и А. Добкина // Минувшее. Исторический альманах. Кн. 16. М.; СПб., 1994. С. 209–264.
2. Бердяев Н. А. Выдержки из писем к госпоже Х // Новый журнал. 1954. № 6. С. 189–204.
3. Бердяев Н. А. На пороге новой эпохи // Бердяев Н. А. Истина и откровение. Прологомены к критике Откровения. СПб.: Изд-во РХГИ, 1996. С. 156–326.
4. Бердяев Н. А. Опыт эсхатологической метафизики: Сб. научных трудов, 1937–1948. М.: Терра, 2013. 654 с.
5. Бердяев Н. А. Письмо Д. И. Чижевскому // Новый журнал. 2007. № 246. С. 212–216.
6. Бердяев Н. А. Самопознание. Опыт философской автобиографии. М.: «Книга», 1991.
7. Бердяев Н. А. Смысл истории. М.: «Мысль», 1990.
8. Бердяев Н. А. Третий исход // Новый журнал. 1953. Кн. 32. С. 271–280.
9. Бердяев Н. А. Fritz Lieb. Russland unterwegs. Der russische Mensch zwischen Christentum und Kommunismus // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник 2001 / 2002. М., 2002. С. 710–718.
10. Ильин И. А. Подвиг лжи г. Бердяева // Ильин И. А. Собр. соч. [Доп. т. 6]. Статьи. Лекции. Выступления. Рецензии (1906–1954). М., 2001. С. 152–156.
11. Карпович М. М. После победы // Новый журнал. 1945. № 10. С. 361–373.

^{*} Ильин И. А. Подвиг лжи г. Бердяева [10].

12. Коряков М. В советском посольстве // Новый журнал. 1947. Кн. 17. С. 274–289.
13. Левицкий С. А. Памяти Н. А. Бердяева. Философский некролог // Посев. Еже-недельник общественной и политической мысли. 1948. 25 апреля. № 17. С. 13–14.
14. Н. А. Бердяев: pro et contra. Кн. 1. Сост., вступ. ст. и прим. А. А. Ермичёва. СПб.: Изд-во РХГА, 1994.
15. От редакционной группы // Новый журнал. 1942. № 1. С. 5–7.
16. Полторацкий Н. П. Русская идея Н. А. Бердяева // Мосты. 1961. № 7. С. 234–234.
17. Советский интеллигент. Лукавая двусмысленность. Открытое письмо Н. А. Бер-дяеву // Свободная мысль. 1947. № 6. С. 10–14.
18. Степун Ф. А. Письмо к Д. И. Чижевскому // Вопросы философии. 2010. № 1. С. 93.
19. Федотов Г. П. Собр. соч.: В 12 т. Т. 12. Письма Г. П. Федотова и письма различных лиц к нему. Документы. М., 2008.
20. Федотов Г. П. Собр. соч.: В 12 т. Т. 9. Статьи американского периода. М., 2006.

REFERENCES

1. Berdyaev N. A. “*V chetvertom izmerenii prostranstva...*” [“In the fourth dimension of space”]. Letters of N. A. Berdyaev to the book I. P. Romanova 1931–1947. The publication of V. Alloy and A. Dobkin // The past. Historical almanac. Book 16. M.; St. Petersburg, 1994. pp. 209–264. [In Russian].
2. Berdyaev N. A. *Vyderzhki iz pisem k gospozhe X*. [Excerpts from letters to Mrs. X] // Novy zhurnal. 1954. No. 6. pp. 189–204. [In Russian].
3. Berdyaev N. A. *Na poroge novej epochi* [On the threshold of a new era] // Berdyaev N. A. Truth and revelation. Prolegomena to the criticism of Revelation. St. Petersburg Publishing House of the Russian Academy of Sciences, 1996. pp. 156–326. [In Russian].
4. Berdyaev N. A. *Opyt eschatologicheskoy metafiziki: sbornik nauchnykh trudov* [The experience of eschatological metaphysics: a collection of scientific papers, 1937–1948]. M.: Terra, 2013. 654 p. [In Russian].
5. Berdyaev N. A. *Pis'mo D. I. Chizhevskomu* [Letter to D. I. Chizhevsky] // Novy zhurnal. 2007. No. 246. pp. 212–216. [In Russian].
6. Berdyaev N. A. *Samopoznaniye. Opyt filosofskoj avtobiografii* [Self-knowledge. The experience of philosophical autobiography]. Moscow: “The book”, 1991. [In Russian].
7. Berdyaev N. A. *Smysl istorii* [The meaning of history]. M.: “Thought”, 1990. [In Russian].
8. Berdyaev N. A. *Tretij ischod* [The third exodus] // New Journal. 1953. Book 32. pp. 271–280. [In Russian].
9. Berdyaev N. A. Fritz Lieb. Russland unterwegs. Der russische Mensch zwischen Christentum und Kommunismus // Studies in the history of Russian thought. Yearbook 2001 / 2002. Moscow, 2002. pp. 710–718. [In German].
10. Ilyin I. A. *Podvig lzhi g. Berdjaeva* [Feat of lies by G. Berdyaev] // Ilyin I. A. Sobr. soch. [Additional vol. 6]. Articles. Lectures. Performances. Reviews (1906–1954). M., 2001. pp. 152–156. [In Russian].
11. Karpovich M. M. *Posle pobedy* [After the victory] // New Journal. 1945. No. 10. pp. 361–373. [In Russian].
12. Koryakov M. *V sovetskom posol'stve* [In the Soviet Embassy] // Novy zhurnal. 1947. Book 17. pp. 274–289. [In Russian].

13. Levitsky S. A. *Pam'ati Berg'æva. Filisofskij nekrolog* [In memory of N. A. Berdyaev. Philosophical obituary] // *Sowing*. A weekly journal of social and political thought. 1948. April 25. No. 17. pp. 13–14. [In Russian].

14. N. A. Berdyaev: pro et contra. Book 1. Comp., introduction and note by A. A. Ermichev. St. Petersburg: RHGA, 1994. [In Russian].

15. *Ot redakcionnoj gruppy* [From the editorial group] // *Novy zhurnal*. 1942. No. 1, pp. 5–7. [In Russian].

16. Poltoratsky N. P. *Russkaja ideja N. A. Berd'æva* [The Russian idea of N. A. Berdyaev] // *Bridges*. 1961. No. 7. pp. 234–24. [In Russian].

17. *Sovetskij intelligent. Lukavaja dvusmyslennost'. Otkrytoje pis'mo N. A. Berd'ævu* [The Soviet intellectual. A sly ambiguity. An open letter to N. A. Berdyaev] // *Free thought*. 1947. No. 6. pp. 10–14. [In Russian].

18. Stepun F. A. *Pis'mo D. I. Chizhevskomu* [Letter to D. I. Chizhevsky] // *Questions of philosophy*. 2010. No. 1. p. 93. [In Russian].

19. Fedotov G. P. *Sobr. soch.: V 12 t. T. 12. Pis'ma G. P. Fedotova i pis'ma razlichnykh liz k nemy. Dokumenty*. [Collected works in 12 vol. Vol. 12. Letters of G. P. Fedotov and letters of various persons to him. Documents]. M., 2008. [In Russian].

20. Fedotov G. P. *Sobr. soch.: V 12 t. T. 9. Stat'i amerikanskogo perioda* [Collected works in 12 vol. Vol. 9. Articles of the American period]. M., 2006. [In Russian].